

Я никогда не смела, спросить мать о тех находках, что как всякий любопытный ребенок, копаясь в маминой спальне, находила. Это были разные, как я в последствии узнала, предметы садо-мазо атрибутики. Хлысты, кляпы, веревки. До того дня я могла лишь догадываться, зачем моей маме всё это.

Однажды когда матери не было дома, в дверь позвонили. Это оказалась женщина. Высокого роста, с милостивой внешностью с ярко черными волосами. Я раньше видела её у нас дома. Мать представляла её как свою сослуживицу по работе. Я помнила её имя: Ада. Так вот, эта женщина сказала, что нам с ней надо поговорить. О чем мы будем разговаривать я, и представить не могла. Ада почти сходу сообщила, что моя мать её рабыня. Когда вам говорят что, мол, я госпожа твоей матери вы испытываете шок. Первое время именно в этом состоянии шока я и находилась.

— Уже почти три года как твоя мать стала моей рабыней. Ты спрашиваешь как? Конечно не сразу. Сначала я просто соблазнила её. Мы стали спать вместе. Ну а потом я просто помогла раскрыться её тайным желанием. Я младше твоей матери на 11-ть лет. Мне 27 лет. Как вижу, ты не глупенькая девушка и должна понимать, что твоей матери нравится, когда её унижают, причиняют боль. Но сегодня я уже многим пресытилась, поэтому придумала кое-что новое. За эти три года я полностью выдрессировала твою мать, я могу делать с ней всё что захочу. Теперь она даже не просто рабыня — она вещь. Что бы тебе, было, понятно скажу, что могу продать её, могу просто убить.

Я знаю, у вас происходят часто конфликты с ней, так вот при правильном подходе ты сможешь извлекать и моральное и физическое удовольствие оттого, что я тебе предложу. В общем: я хотела бы, что бы ты была второй госпожой моей рабыни.

Я физически почувствовала, как мои глаза округляются.

— Но ведь она моя мать!

— Именно поэтому я здесь.

— А она всё это знает?!

— Нет, это будет сюрприз для неё.

— О боже! — не сдержавшись, прошептала я.

— Думай. Если ты откажешься, я продам ее, какому ни будь мужику маньяку. И поверь мне, твоя мать не станет возражать. Она сделает все, что бы угодить мне.

Хорошо давай так, я зайду сегодня, когда придет твоя мать и покажу тебе как всё происходит, а ты будешь решать спасать тебе мать или нет.

После того как Ада ушла я не могла ничего делать кроме как опять и опять воссоздавать в памяти недавний разговор. После того, что я узнала о матери, я не стала её ни презирать, не ненавидеть. Это был её выбор, она была взрослым человеком.:Проанализировав свои желания и ощущения, я быстро поняла, что то, что нравится матери мне совершенно чуждо. Да, Ада была права, в последнее время мы стали часто ссориться с матерью. Ада сказала, что при правильном подходе я смогу извлекать удовольствия оттого, что стану ей командовать. Когда я стала думать об этом то мои, какие то робкие попытки возбуждения подавлялись огромным страхом и волнением за своё и будущее матери. Вообще моя мама была красивой женщиной, у неё всегда было много поклонников-мужчин, но почему то она предпочла им

Аду. По поводу внешности матери можно ещё сказать: высокая с отличной фигурой женщина, с правильными красивыми чертами лица. В последнее время мать стала лёгкой блондинкой, крася свои естественные русые волосы.

Ада должна была снова прийти в пять. В четыре со своей бухгалтерской работы пришла мама. И именно с четырех я сидела как на иголках. Без пяти пять в дверь позвонили. Это была Ада. Мать было не узнать. Это был и страх и непонимание. По тому как Ада, без приглашения не разуваясь, прошла в зал и села в кресло наверняка мать много поняла.

— Раздевайся! — в полной тишине раздался требовательный голос Ады.

Мама смотрела то на Аду то на меня.

— Ада я не понимаю: — Начала лепетать мама. — Ты рассказала Оле:

Ада резко оборвала мать.

— Сучка! Тебя здесь силой заставлять никто не будет, если ты хочешь уйти от меня скажи, если же нет то за эту твою провинность сегодня ты получишь 5-ть ударов по своей поганой пизде!

При этих словах мать, приняв смиренное выражение лица начала снимать одежду. Я старалась не смотреть на неё в этот момент.

Но не смотреть было трудно. Первое что мне врезалось в сознание так это всякое отсутствие нижнего белья под одеждой матери.

Второе: абсолютно выбритый голый лобок и какие-то странные свисающие штуки в промежности. И третье и, пожалуй, самое страшное то, что всё её тело, а я видела только перед, было покрыто множеством старых и новых свежих рубцов. Вообще надо сказать я видела мать впервые голой и отметила то что у матери красивое женское тело. Почему женское? Потому что она что называется, была в теле: широкие бёдра, выпирающий лобок и полные груди, хотя талия была узкой.

Обнажив тело мать подошла к Аде опустилась перед ней на колени, подняла руки над головой закрепив кисти на затылке.

Похоже, это был особый ритуал, который мать раздевшись всякий раз выполняла. Становясь на колени и поднимая руки, она как бы предлагала себя. Взгляд её затуманился, лицо приобрело странное выражение лица. Ада с сальной улыбкой потрепала мать по щеке:

— Молодец Светик, встань, ты ведь ещё не похвасталась попой перед своей дочкой.

Ягодицы как и бедра сзади и спина у матери были сильно исхлѣстаны. Но не это хотела показать мне Ада.

На каждой полной ягодице матери была видна небольшая черная буква. «AP « — вот что это были за буквы.

— А это у неё на заднице мои клейма, инициалы Ады Рур. Шлюшка очень гордиться, что она меченая рабыня. Я поставила их ей полтора года назад. Теперь нагнись.

В абсолютно выбритые губы влагалища матери были вставлены два металлических колечка. На одно из колечек крепилась короткая цепочка, заканчивающаяся медальоном. Из-за вероятно тяжёлого медальона половая губа влагалища, на которой он висел, отвисла по сравнению со второй губой довольно сильно. Ада ухватила медальон и поднесла ко мне, что бы я прочитала надпись.

«Собственность Ады Рур» прочла я.

— Да, её пизденка полностью принадлежит мне, правда, потаскуха?

— Да Ада, — прошептала мать.

Ада грубо развела наружные губы матери и одним свободным пальцем начала интенсивно массировать ей клитор. Ада хмыкнула.

— Когда то и ты Оля вылезла из этой пизды.

Я попыталась улыбнуться. Видя мою кривую улыбку, Ада сказала:

— Олечка расслабься, твоей матери нравятся подобные разговоры. Кстати как ты видела, на ней не было ни трусов, ни лифчика.

Она уже год не носит эти необходимые каждой женщине вещи. Каждой, но только не шлюхи. Коей является твоя мать. Это привилегия шлюхи не носить трусов и выбривать с пизды все волосы, что бы мы видели её там полностью голой.

Видя моё убитое выражение лица, Ада сжалилась.

— Ну, Олечка на сегодня с тебя хватит.

Уже в дверях Ада не удержалась от унижительного приказа матери:

— Твоё наказание за провинность откладывается на будущее. А сейчас поцелуй мне на прощанье туфлю.

Мать как заводная кукла опустилась на колени и, попытавшись изящно изогнуть спину, смачно поцеловала Аде туфлю, после чего ещё несколько раз провела по ней языком.

— Ну, всё молодчина! Пока Оля!

После того как за Адой хлопнула дверь, мать преисполненная гордости, хотя еще миг назад была преисполнена рабской покорности, стала одеваться. Я не могла сдержать своего возмущение и протеста от происходящего:

— Мама я не могу поверить! Она клеймила тебя!

— Ты не понимаешь, Оля: — Мать сосредоточенно продолжала одеваться — Я люблю её:

— Но даже если опустить то что она женщина: что же это за любовь, когда один человек ставит другому свои инициалы на задницу! — Ада сказала правду, я люблю: м: необычные отношения:

— Тебе, что было хорошо, когда она клеймила тебя?!

— Нет. Мне было очень больно.: Но я не могла отказать ей.

— Не могла отказать! Что за бред! — я распялялась все больше и больше — Это что как одолжить денег или муки или сахару:

Мать сделала театрально обиженное лицо:

— То что ты знаешь, и то что ты увидела, ещё не дает тебе права так со мной разговаривать, не забывай я твоя мать:

— Мама! Да ты целовала ей ноги! Да Ада прикажет тебе всё, что угодно и ты выполнишь, разве не так?

— Ну, знаете маленькая мисс! С меня довольно. Ты очень многого не понимаешь.

И мать удалилась.

Я осталась со своим возмущённым непониманием одна. Я думала, что мать упала так низко, что даже не имеет моральных прав, вести себя как обычно вела. Во мне боролись две стороны. С одной стороны я понимала что человек, испытывающий такие унижения, пускай добровольно, не может вести себя со мной как прежде. А с другой несмотря на всё произошедшее я всё же хотела, что бы всё оставалось по-прежнему.

На следующий день Ада пришла к нам домой раньше матери. Как талантливый психолог она быстро вытянула из меня суть той нашей вчерашней перепалки с матерью. Конечно, я знала, что за это она накажет свою рабыню и мою мать.

Сначала всё происходило как в первый раз. Мать разделась и встала перед своей госпожой на колени. Затем Ада села со мной рядом на диван, приказав, матери подойти на четвереньках к нам.

— Я знаю, что вчера ты была груба со своей дочерью, так ли это?

— Но она моя дочь.

— Оля как ты хочешь её наказать? — обратилась ко мне Ада пропуская мимо ушей слова матери.

Да я была зла на мать. В момент гнева я так и рисовала ужасные картинки унижения матери мной. Но в реальности, отдать какой ни будь унижительный для матери приказ, я не могла.

— Нет: никак.

— Ну, Оля она же обидела тебя. Ты должна наказать свою мать. Наверное, ты хочешь, что бы она на карачках лизала тебе ноги.

— Нет Ада:

Но она уже не слушала меня приказав матери сделать это. Видно было бессилие матери перед Адой. После отдание ей приказа она стала тупо смотреть в пол. Она не смела встретиться взглядом со мной видимо, потому что знала, что исполнит приказ. Я помнила, с каким чувством мать в прошлый раз лизала туфлю Аде. С каким упоением она это делала! Неужели и в этот раз она будет делать это также!

И вот уже мать опускается передо мной на колени и округляет губы. Я не могла поверить! Она действительно сделает это!

После того как мои ноги были буквально мокрыми от её языка, Ада остановила её.

Мне конечно же было жаль мать, но в то же время я почувствовала необычайную эйфорию от триумфа. Мне вдруг захотелось узнать, когда воля матери и когда её собственное «я» будут окончательно сломлены.

Голая рабыня, стоящая перед нашим диваном на коленях, ожидала приказов своей госпожи.

— Сегодня ты увидишь как я порю шлюшку: сегодня я буду пороть её по сиськам! Это такое зрелище Оля, они так здорово подпрыгивают.

Ада, обойдя мать сзади, приказала той согнуться и выпятить зад. Некоторое время Ада орудовала пальцами в промежности своей рабыни, доведя мать до ритмичных стонов. Когда она, прекратив, извлекла пальцы, они были все в прозрачной вязкой жидкости выделений матери.

— Видишь, она уже потекла, — Констатировала Ада.

После того как мать облизала пальцы Ады со своими соками, Ада приказала ей:

— Теперь потаскуха встань и принеси мне хлыст.

Экзекуция происходила так. Мать стояла на коленях и опиралась спиной о диван. Ей было велено выпятить грудь и отвернуть вбок голову. После чего Ада начала. Била она очень хлётко и, по-видимому, больно так как лицо матери после каждого удара выражало нестерпимое страдание. Остановилась она только после того, как груди матери стали покрывать множество багровых рубцов, и из глаз матери брызнули слёзы.

День шёл за днём. Наши общие встречи продолжались. За это время я так ни разу и не осмелилась причинить матери физическую боль. Единственное на, что я осмелилась так это дать матери лизать своё влагалище, но я конечно не получила никакого удовольствия из-за испытываемого чувства вины. А так, по сути, я была лишь сторонним зрителем разыгрывавшихся представлений. Я наблюдала, как Ада порет мать по всем частям тела.

Видела как связанная мать, бьется в слезах, когда Ада порола её по разверстым половым губам. Видела, как мать целует Аде руки, и ноги после очередной порки.

Видела, с каким упоением мать лизала Аде влагалище, как глотала мочу Ады, которая в ванне писала ей в рот. Также Ада в туалете заставляла мать слизывать и глотать её пахучие месячные выделения, подмывать языком. Когда мы оставались вдвоем, мать старалась вести себя как обычно, она как будто не замечала моего участия в извращённых постановках Ады. Меня это даже стало бесить.

Постепенно это вылилась в моё желание, в мою навязчивую идею как можно больше и сильнее унизить её, так что бы она уже не смогла бы игнорировать меня. Наверное, в каком то бреде мне пришла мысль пометить мать так, как пометила её Ада — клеймом. Недолго думая, я решила что наиболее унижительно для матери будет поставить ей два клейма в: груди! Надо сказать даже Ада, уж на что извращённая натура, удивилась моему предложению. Но только сперва.

Уже на следующей нашей общей встречи Ада заговорила об этом с матерью. Я сидела в кресле, а Ада и мать, которая была ещё в одежде, на диване.

— Мы с Олей кое-что решили на счет тебя. В общем, Олю не устраивает, что на твоём теле нет упоминания о том, что она тоже в некотором роде владеет тобой. Это несправедливо, не так ли. И поэтому Оля тоже хочет пометить тебя. Разумеется клеймами.

Как будто не замечая меня, мать спросила:

— В какое место?

— Оля считает наиболее подходящим в сиськи.

Мать, тяжело вздохнув, задумалась.

— А это не будет некрасиво?

— Нет. Я вдавлю тавра чуть выше сосков. Это будет наоборот сексуально. Ну? Ты согласна?

— Ада я твоя. Если ты хочешь этого, я согласна.

Если до этого меня ужасно мучила совесть, то после её этих слов захотелось поскорее привести задуманное в жизнь. Ада подвела итог разговора:

— Вообще то это идея твоей дочери. Ну, значит решено. Через неделю ты сучка будешь помечена ещё и в сиськи.

Всю неделю мать продолжала делать вид, что ничего не происходит. Это поведение матери злило меня ещё больше. Наконец настал день, и час X.

Вот Ада уже развела огонь в специальной мине-жаровне, показав матери новые проволочные клейма положила их в самую гущу тлеющих углей. Мать, специально отпросившись в этот день с работы пораньше, стала лизать своей госпоже влагалище. Когда клейма накалились, Ада приказала матери встать на колени посередине комнаты и почти официальным тоном спросила:

— Светлана ты согласна принять два клейма от своей дочери, которые будут поставлены тебе в груди? Или от волнения или отчего, но мать смогла лишь кивнуть.

— Нет, ты должна ответить, — Потребовала Ада.

— Да, — едва слышно прошептала мать.

После полученного согласия Ада затолкала в рот своей рабыни кляп. Вдруг ко мне пришло осознание ужаса всего происходящего. Я не могла поверить, что мы втроем делаем это. Я предложила свою дикую идею, мать согласилась, а Ада с радостью подхватила. Мои дочерины инициалы навсегда отпечатаются на святом, по сути, месте для любого человека — груди

матери, а Ада без особых терзаний вдавит раскалённые тавра в груди другой женщины. Бред! Ради чего! Зачем! Но я не могла уже остановить ни Аду, ни себя, процесс пошёл. Вот тавра уже накалились добела, и Ада с дьявольским выражением лица подносит два клейма к груди перепуганной женщины.

— Отвернись, — говорит Ада. Мать с трудом отворачивает голову, зная, что как только отвернется её пронзит страшная боль.

Даже сквозь кляп сдавленный крик матери наверняка услышали все наши соседи. Этот крик звучал у меня в голове еще очень долго, после того как всё было кончено. Когда Ада ушла я не выдержала и с рёвом кинулась к лежащей на диване матери.

— Прости, прости меня мама: я не хотела, — сквозь слёзы говорю я.

Глаза матери увлажнились.

— Ты не виновата: ведь я могла отказаться: — устало сказала она.

— Да: но ты не отказалась. Почему?!

— Этого хотела Ада:

Ада! Ада!!! Неужели мать и впрямь сделает все, что та захочет.

— Скажи, а правда что если она захочет то может убить тебя, и ты не будешь возражать?

— Не знаю: может быть:

От этих слов мне стало не по себе.

Как то раз мы затопили соседку снизу, а это была очень сварливая баба, ну и конечно она пришла ругаться к матери. Я была в комнате слушала ход ссоры когда меня возбудила одна мысль. В самый разгар их ней перепалки я подошла к ним.

— Ты виновата Мама. Тётя Зина вы правы. Тебя нужно наказать. Подставь щёки тёти Зине, пусть она даст тебе две пощечины.

Сама тётя Зина, совершенно ошалевшая, смотрела и на меня и на мать. Мать, которая ещё не разу напрямую ни выполняла, ни одного моего приказа тоже не знала как реагировать. Я испытующе посмотрела ей в глаза. Так мы все втроём довольно долго пялились друг на друга. Неожиданно мать устало отступила, отведя взгляд и вытянув шею.

— Тётя Зина смелее! Накажите эту сучку!

Но тётя Зина только усиленно хлопала глазами.

— Тогда я сама.

Я дала матери две сильнейших оплеухи, так что у неё брызнули слёзы.

— А теперь опустишься на колени и проси прощения.

Мать как всегда постаралась элегантно встать на колени, после чего тихим голосом проговорила:

— Простите меня Зина. Я очень виновата.

— Хорошо. А теперь возьми ведро с тряпкой и иди убирать квартиру тёти Зины.

Когда мать пришла, её глаза были красные, видно было, что она плакала. За то время пока её не было, я вкратце объяснила соседке ситуацию. Моему восторгу не было предела, когда тётя Зина встретила пришедшую из её квартиры мать со словами:

— Ах ты, извращённая паскуда! Значит, любишь боль! Сейчас я тебе устрою.

Тётя Зина начала рукой бить мать по лицу. Я остановила её.

— Нет, тётя Зина, давайте я дам вам ремень, и вы отлупите её по заднице.

Тётя Зина оказалась очень жестока, она била мать пока я сама её не остановила. В дальнейшем она согласилась навещать нашу квартиру, для того чтобы пороть и унижать свою

соседку.

Ада тоже была несказанно рада появлению нового игрока в своих играх.

Тётя Зина быстро освоилась со своей новой ролью, и мы с Адой уже вскоре наблюдали как мать, похуже, с явным отвращением лизала тётки Зине толстую задницу и поросшее чёрными волосами влагалище.

Через три месяца как я узнала мамину тайну, в её судьбе наметились значительные перемены. Я не знала или Аде всё это наскучило или действительно ей понадобились деньги. Так или иначе, но она намеривалась продать мать. Я не стала возражать против этого. Когда Ада спросила об этом мать, то та умоляла её остаться с ней. Но в конечном итоге Ада как всегда выбила у неё согласие.

Я присутствовала при процессе продажи. Это было нечто! Ада выбрала покупателя из множества претендентов. Конечно наиболее извращённого мужика. Я знаю только его имя Виктор. Ада показывала ему мать как товар. Он смотрел её тело, гениталии. Как вещь. Сначала они прошлись по её биографии:

— Сколько ей лет?

— 38-мь, — отвечала Ада.

— Во сколько вышла замуж?

— В 20-ть, — подсказала я.

— Во сколько родила?

— В 21-н, — опять подсказывала я.

Затем шёл осмотр её тела. Мать голой со скрепленными над головой руками стояла перед диваном, где сидел покупатель и Ада. Виктор пальцами проникал в её лоно и анус. От удовольствия он аж причмокивал. Мужику пришлось по душе клейма. Ада сказала, что он тоже может поставить свои инициалы, например, между лобком и пупком, или на бёдра матери. Он заявил, что обязательно пометит её. Они обсуждали мать в самых грязных выражениях и подробностях:

— Как у неё пизда? — спрашивал Виктор, — Спирали нет? А то я хочу ебать её без презика.

— Нет, нету, — Отвечала Ада, — но проблем нет, поставите сами.

— А течёт быстро?

— О да! Просто сучка, какая то.

— Ну, а пытки. Иглами увлекались?

— Нет. Я порола её через день, пожалуй, и всё.

— Я люблю иглы. Если буду протыкать насквозь её сиськи вы не возражаете?

— Да нет, конечно. Но только в меру и осторожно. Хотя нет, всё по вашему усмотрению.

При этом диалоге мать замерла. А я, наверное, с радостью предвкушала то, что ждет её у этого мужика.

Когда процесс продажи вплотную подошёл к концу. Виктор ещё раз решил озвучить условие сделки.

— Срок продажи — навсегда.

— Правильно. С возможностью навещать её в любое удобное для вас время.

При этих словах глаза матери увлажнились. Она слышала это в первый раз.

Видя жалостливую мину на лице своей рабыни Ада постаралась приободрить её:

— Не волнуйся, я буду часто навещать тебя. Веришь мне?

Мать только кивнула.

— Ограничений нет. Правильно? — продолжал Виктор.

— Да. Кроме причинения тяжких увечий. И всё же желательно делать всё на добровольной основе.

— Это будет зависеть всё от неё. Но думаю, мы поладим. Затем мы вдвоем с Адой пересчитывали деньги. Это было 70-ть тысяч баксов. Оплата происходила в двух частях. Ещё 50-т Виктор должен заплатить через месяц. С Адой мы договорились деньги разделить поровну.

После того как новый хозяин перевёз мать жить к себе, я видела её за последний год всего один раз. Примерно через два месяца после её переезда. У неё уже стояли новые клейма. Мужик решил поставить их опять на ягодицы, только они были крупнее, и были поставлены выше первых. Это были инициалы — «ВК». Также он сменил бляху в промежности, заменив её на более тяжёлую и крупную естественно со своей надписью. Сразу что бросалось в глаза это её синяя грудь. Вероятно, это было у Виктора любимое место для своих забав в теле купленной им рабыни. Ада за всё это время навещала свою пассивку чуть больше меня — три раза. А я после того как мы уладили все финансовые вопросы, Аду не видела вообще.

По глазам матери я поняла: она несчастлива с Виктором. Счастлива она была только с Адой. Но я не очень расстроилась. Неожиданно я поняла: чувство к матери как к родному и близкому человеку у меня больше нет.

Автор будет рад отзывам по адресу: indeica@yandex.ru